

М. П АЛЕКСЕЕВ

Д. ДИДРО И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ ЕГО ВРЕМЕНИ¹

Опубликованная в 1932 году библиотекарем парижской Национальной библиотеки Ж. Порше небольшая информационная заметка «Русские книги Дидерота в Париже»,² содержащая в себе перечень русской части библиотеки Дидро, только в начале 50-х годов привлекла внимание исследователей и послужила поводом для появления нескольких статей, посвященных этому вопросу.

Однако специально литературоведческому анализу список русских книг, принадлежавших Дидро, еще не подвергся.

Внимательное изучение этого списка, библиографически уточняющее все его недостаточно ясные указания, может привести, как нам кажется, к очень существенным результатам, в особен-

¹ Настоящая статья представляет часть большой работы М П Алексева «Дидро о русской литературе», написанной в 1948 году, читанной тогда же на научной сессии Института русской литературы и ставшей известной ряду советских исследователей. Появление статей В И Чучмарева «Французские энциклопедисты XVIII века об успехах развития русской культуры» и «Об изучении Дени Дидро русского языка» («Вопросы философии», 1951, № 6, стр 179—193, 1953, № 4, стр 192—206), в значительной части совпадающих по своему фактическому материалу (основанному преимущественно на публикации Ж Порше) с указанной работой М П Алексева, сделало нецелесообразным публикацию последней в полном виде. Поэтому редакция сборника «XVIII век» с разрешения автора печатает в настоящем томе отрывок из этой работы, посвященный теме, не нашедшей до сих пор освещения в советском литературоведении; из этого отрывка исключено все то, что относится к изучению Дидро русского языка, т е к вопросу, уже привлекавшему к себе в настоящее время внимание исследователей, в частности французских (см, например, статью J Proust, *La grammaire russe de Diderot* «Revue d'Histoire Littéraire de la France», 1954, № 3, Juillet—Septembre, стр. 329—331).

² Временник Общества друзей русской книги (Société des amis du livre russe), III, Париж, 1932, стр 132—138

ности если мы сопоставим их с рядом отзывов Дидро о некоторых из перечисленных им сочинений.

Особый интерес собранию русских книг Дидро прежде всего придает обстоятельство, что они вовсе не являлись для него коллекцией иноязычных книжных образцов. Это было собрание, подчиненное тому плану серьезного и вдумчивого изучения русской культуры, который Дидро составил себе, живя в Петербурге. Уже то, что Дидро сумел сделать толковую опись этих книг, свидетельствует, что он знал об их содержании, мог прочесть и перевести (хотя и не всегда точно) их заглавия. Еще более важно для нас то, как свидетельствуют самые книги, разысканные Ж. Порше, что Дидро, приобретая эти книги в Петербурге или получая в подарок от друзей, несомненно читал некоторые из них в русских подлинниках. Если Дидро в момент своего прибытия в Россию не знал ни слова по-русски, как это можно заключить из его собственного признания в письме к жене,³ то, живя в Петербурге в течение пяти месяцев, он делал попытки изучать русский язык и в процессе этого изучения знакомился с русскими книгами, до сих пор сохраняющимися на своих полях его пометы, переводы отдельных слов и прочие следы его работы над ними.

Пять с лишним месяцев, прожитых Дидро в Петербурге,⁴ — с сентября 1773 года до 5 марта (нового стиля) 1774 года — совпали с периодом оживления в русской литературе, еще не

³ «Revue des vivants», 1928, Mai, стр. 933.

⁴ Diderot. Correspondance inédite, publ. par A. Bibelon, vol. II. Paris, 1931, стр. 240—245 (Письмо Дидро к жене о первых петербургских впечатлениях). Письма Дидро из Петербурга впервые опубликованы были П. Ледье лишь в 1928 году в «Revue des vivants»; возможно, однако, что некоторые из этих именно писем почти за сто лет до их напечатания уже были известны у нас по копиям. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 16 апреля 1837 года: «Посылаю себе письмо Дидеро к жене о Петербурге и Екатерине II» (Остафьевский архив, т. IV, СПб., 1899, стр. 6). Наиболее подробную сводку данных на русском языке о пребывании Дидро в Петербурге мы находим в заключительном десятом томе «Собрания сочинений» Дидро в русском переводе, появившемся в 1947 году, с комментариями П. И. Люблинского и вступительной статьей А. И. Молока «Дидро в России». Однако и после выхода в свет этого тома напечатаны были новые материалы, например интересная записка с вопросами Дидро к Петербургской Академии наук, им самим оглашенная на заседании Академии 1 ноября 1773 года (М. В. Крутикова и А. М. Черников. Дидро в Академии наук. «Вестник Академии наук СССР», 1947, № 6, стр. 64—73). В названном десятом томе русского собрания сочинений Дидро эта записка упоминается (стр. 386) как еще неразысканная и неопубликованная. См. также: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание. Сост. И. М. Любименко. Труды ААН, Л., 1937, вып. 2, стр. 442—443; С. Кузьмин. Забытая рукопись Дидро (Беседа Дидро с Екатериной II). «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 927—948.

подвергшейся тяжелому давлению со стороны трона. Сатирическая журналистика, правда, была уже на спаде, но всем еще памятли были баталии «Трутня», «Всякой всячины» и «Живописца»; просветительская деятельность Н. И. Новикова была в полном разгаре; в Петербурге действовало несколько литературных кружков, горячо обсуждавших общественные и литературные темы и далеко не согласных между собою во мнениях; в Петербурге жили в то время многие писатели, среди них некоторые, лишь недавно приехавшие из Москвы (например, Херасков); наблюдалось заметное оживление и в театральной жизни; новые книги выходили часто и вызывали к себе действенный интерес. Всего этого не мог не заметить любой иностранец-путешественник; тем более это должно было обратить на себя внимание Дидро.

Нужно думать, что свое изучение русской литературы Дидро начал с двух корифеев — Ломоносова и Сумарокова, о которых споры в русских литературных кругах продолжались весьма интенсивно и которые имели и своих последователей и своих врагов и хулителей. Ломоносов был уже в могиле, Сумароков — стар и в опале, но все еще продолжал активную творческую деятельность.⁵ О Ломоносове Дидро знал еще во Франции⁶ и даже написал заметку о французском переводе его «Древней российской истории». Находясь в России, Дидро воспользовался случаем, чтобы пополнить свои сведения об этом поэте и ученом. В числе книг, приобретенных Дидро в Петербурге, нашлись следующие труды Ломоносова: «Собрание разных сочинений в стихах и прозе. Книга вторая» (СПб., 1768),⁷ «Российская грамматика» (СПб., 1755), «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика» (1748), «Первые основания металлургии, или рудных дел» (СПб., 1763) и «Слово похвальное... Петру Великому» (1755). То обстоятельство, что среди этих книг оказались издания конца 40-х и середины 50-х годов, может быть, свидетельствует об их специальном подборе.

Книг Сумарокова в собрании Дидро оказалось еще больше, но все они преимущественно представлены здесь новыми изда-

⁵ М. Лонгинов. Последние годы жизни Сумарокова. «Русский архив», 1871, кн. 10, стр. 1637—1711.

⁶ Diderot. Oeuvres, ed. J. Assézat, vol. XVII, Paris, 1877, стр. 495—496.

⁷ В эту книгу вошли следующие произведения Ломоносова: «Слово похвальное... Петру Великому» (имевшееся у Дидро и в отдельном издании), героическая поэма «Петр Великий», оды, надписи, идиаллы «Полидор» и «Письмо о пользе стекла».

ниями, конца 60—начала 70-х годов. Очень полно подобраны здесь драматические произведения Сумарокова. Может быть, случайностью следует объяснить то, что среди трагедий Сумарокова оказались преимущественно его трагедии на темы из русской истории: «Синав и Трувор», «Хорев»,⁸ «Ярополк» (все в петербургских изданиях 1768 года), «Димитрий Самозванец» (6. г., 1771); кроме них, также «Семира» (1768) и «Аристана» (1751), «Пустынный» (1769), опера «Альцеста» (1764), балет «Прибежище добродетели» (1764) и пролог «Новые лавры» (1764). Из комедий Сумарокова в руках Дидро было пять поздних комедий (все в изданиях 1768—1769 годов): «Три брата совместника», «Нарцисс», «Лихоимец», «Приданое обманом» и «Ядовитый», — последняя со следами чтения Дидро. Трудно сказать, почему из всех этих комедий Дидро выбрал для чтения одну комедию о клеветнике и цинике Герострате, в обобщенном образе которого исследователи узнают черты личного и литературного врага Сумарокова — Ф. А. Эмина.⁹

Но не только Сумароков-драматург обильно представлен в собрании Дидро: мы находим здесь три отдельных издания его од (все 1774 года), «Притчи» в трех частях (СПб., 1762—1769), переплетенные в одном томе, и его исторический труд «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году» (1768); всего — двадцать сочинений. Это был, конечно, достаточный материал для суждения о русском писателе. Как известно, Дидро оставил действительно отзыв о Сумарокове в одной из своих записок Екатерине II — выразительный, хотя краткий и не вполне ясный. Однажды Дидро наставлял русскую императрицу по поводу того, что «государю следует иметь под боком священника и литератора, — предпочтительнее, драматического поэта»; «проповедников не читают, хорошую же комедию или прекрасную трагедию перечитывают десятки раз. Ее можно найти даже в предместьях. Если ваше величество призовете к себе и побеседуете раз-другой с вашим посредственным Сумароковым (*votre médiocre Soumarokoff*), если вы дадите ему тему для поэмы, то вам, быть может, удастся сделать из него настоящего человека. Если же он все-таки останется прежним, то эта милость разбудит какого-нибудь дру-

⁸ На этой книге был сделан ряд помет чернилами и карандашом (стр. 8, 30, 31, 60), часть — рукою Дидро; очевидно, он читал ее с чьей-либо помощью

⁹ А. Косман (Комедии Сумарокова «Ученые записки ЛГУ», Серия филолог. наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 175—176) ограничивает это мнение, усматривая в Герострате черты других современников и врагов Сумарокова

гого одаренного человека, который станет проповедовать, громко проповедовать свое евангелие».¹⁰ Ни один из комментаторов не раскрывает нам с достаточной ясностью, что Дидро хочет сказать; Турнё ограничивается справкой для французских читателей о том, кто такой Сумароков; П. И. Люблинский в русском «Собрании сочинений» Дидро 1947 года дает аналогичную справку и напоминает, что «незадолго до приезда Дидро в Петербург Сумароков навлек на себя неудовольствие Екатерины постановкой своей трагедии „Синеус (!) и Трувор“».¹¹ Все это нисколько не поясняет нам, что думал о Сумарокове Дидро, почему он называет его «посредственным», почему он советует Екатерине дать Сумарокову тему для поэмы, а не для трагедии, и что означает его предположение, что Сумароков может остаться «прежним». Ясно лишь одно, что отзыв Дидро носит отрицательный характер. Сумароков Дидро не нравился: в его трагедиях и комедиях было то, что претило ему. С подобной поэтикой Дидро боролся и на своей родине. Характерно, что Дидро написал французский перевод заглавия на шмуцтитуле лишь одной трагедии Сумарокова — «Димитрий Самозванец» (1771), которая в особенности должна была привлечь его внимание и своим русским историческим сюжетом с картинами восстания против царя-тирана и теми политическими толками, которые она вызвала при дворе.¹² В начале этого издания находится ответное письмо Вольтера Сумарокову от 26 февраля 1769 года. Мог ли Дидро не знать о поводе к обмену письмами между русским и французским драматургами? Мог ли он сочувствовать литературным позициям Сумарокова, о которых, разумеется, оповещен был в Петербурге? Думается, что оценка Сумарокова, данная ему Дидро, должна была быть весьма сдержанной, хотя он, очевидно, не вовсе отрицал его заслуги и способности, признавая, что при желании из него можно сделать «настоящего человека».

В особую группу в своем перечне русских книг Дидро выделил сочинения В. И. Майкова в четырех книгах, из них две в переплете. Ж. Порше удалось обнаружить в Национальной библиотеке лишь одну книгу из тех, которые Дидро имел в виду. В ней в одном переплете объединены четыре отдельных изда-

¹⁰ M. Tournoux. Diderot et Catherine II. Paris, 1899, стр. 300—301; Дидро, Собр. соч., т. X, М., 1947, стр. 135.

¹¹ Дидро, Собр. соч., т. X, стр. 524.

¹² В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Политические идеи русской классицистической трагедии. Сб. «О театре», М.—Л., 1940, стр. 110—115; С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. М.—Л., 1948, стр. 44.

ния. Томик открывается поэмой Майкова: «Елисей, или раздраженный Вах» (СПб., б. г.), т. е. первым изданием этой поэмы, появившимся в ноябре 1771 года¹³ (на обороте шмуц-тула заглавие по-французски, может быть рукою С. В. Нарышкина: «Elissei, poëme de M-r Maikoff»); далее идут: «Разные стихотворения Василья Майкова. Книга первая» (СПб., б. г.) и его же «Оды торжественные... книга вторая» (СПб., б. г.) — два небольших поэтических сборника, вышедшие в конце 1773 года, как это видно из объявления «Санкт-Петербургских ведомостей»,¹⁴ т. е. в момент пребывания Дидро в Петербурге; первый из этих сборников занят переложением псалмов, и они-то, вероятно, и названы Дидро «Философическими одами». Едва ли оды Майкова представляли для Дидро какой-либо интерес, но он, безусловно, интересовался творчеством Майкова и, вероятно, прежде всего его «Елисеем». Именно после издания этой поэмы о зимогорском ямщике Майков, живя в Петербурге, пользовался здесь значительной популярностью; споры и кривотолки о его поэме, понравившейся одним и вызвавшей резкое осуждение других, не прекращались. Отзвуки этих споров должны были дойти и до Дидро; так именно можно истолковать несколько сохранившихся свидетельств по этому поводу.

Одно из них принадлежит П. А. Вяземскому. В своей книге о Фонвизине Вяземский говорит, не указывая на свой источник (вероятнее всего, он основывался на устном предании), об особом интересе Дидро к Майкову, как к национально-своеобразному писателю, ничем не обязанному в своем творчестве иноземным поэтическим образцам. Правда, сам не чувствуя к Майкову-поэту никакого расположения, Вяземский, видимо, осуждает не только выбор Дидро, но даже мотивы его любопытства. «Едва ли был прав Дидерот, по крайней мере, в общем применении, когда на обеде петербургских литераторов у графа Григория Григорьевича Орлова говорил он через переводчика Майкову, не знавшему никакого иностранного языка, что особенно его сочинения желал бы он прочесть, ибо они должны быть чисто творческие, без всякой примеси общих форм и понятий».¹⁵

¹³ В. И. Майков, Сочинения и переводы, СПб., 1867, стр. 563; В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. IV. СПб., 1905, № 8660.

¹⁴ В. И. Майков, Сочинения и переводы, стр. 565, 573.

¹⁵ П. А. Вяземский. Фонвизин СПб., 1848, стр. 139—140; П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. 90. На этом свидетельстве Вяземского (не ссылаясь на него), несомненно, основывался и Н. Булич (Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854, стр. 64),

Об особом интересе Дидро к сочинениям Майкова упоминает также С. Н. Глинка в своих «Записках» и также, несомненно, на основании устной традиции (сам Глинка родился в 1775 году). Характеризуя творчество второстепенного поэта — архаиста Шатрова, Глинка писал: «Шатров не знает иностранных языков, но в стихотворениях его — общий объем мысли. Дидерот в бытность свою в Петербурге, где перечитывал с Екатериною Наказ ее, узнав, что Василий Майков, сочинитель проказных поэм, не сведущ ни в живых, ни в мертвых языках, упросил Александра Ильича Бибикова перевести для него несколько страниц из Майкова. — Я хочу видеть, сказал Дидерот, как предлагает и соображает мысли писатель, не знающий французского языка. Бибиков перевел, а Дидерот и в переводе нашел тот же ход мысли, какой и во французском языке».¹⁶

Никаких других известий о литературном обеде в честь Дидро в Петербурге в конце 1773 или начале 1774 года, о котором упоминает П. А. Вяземский, к сожалению, не сохранилось — ни в сочинениях и письмах Дидро, ни в аналогичных русских источниках. Лишь в журнале «Телескоп» мы натолкнулись на несколько строк, вероятно относящихся к этому же случаю. «Назад тому несколько десятков лет Дидерот просил для редкости перевести ему несколько стихов из Майкова... самородного русского поэта, дабы видеть, такой ли механизм мыслей и чувствований у нас, северных гиперборейцев, как у прочих жителей земного шара...». «Ныне, хотя человечество наше и не подвергается сомнению, но не худо изредка напоминать о нем».¹⁷ Легко видеть, что эта заметка носит полемический характер, что она направлена против высокомерных отзывов иностранцев о русской литературе и что попавшее в нее известие о Дидро совершенно случайно; тем не менее мы думаем, что все приведенные свидетельства восходят к одному событию, искажая его в передаче, и что Вяземский и Глинка точнее передают его, чем автор заметки в «Телескопе». В самом деле, задача Дидро заключалась вовсе не в том, чтобы определить, похожи ли стихи Майкова на французские, а именно в обратном — в установлении различия между ними, в определении своеобразия Майкова, этого «самородного» поэта; он надеялся, что стихи Майкова

впрочем еще более усиливая его осуждение любопытства Дидро: «Знаменитый Дидро, бывший в 1773 г. в Петербурге, думал видеть в Майкове писателя оригинального, потому что последний не был знаком с иностранными языками. Наивный философ не знал, что такая оригинальность — мнимая», и т. д.

¹⁶ Записка Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, стр. 158.

¹⁷ «Телескоп», 1831, ч. II, № 8, апрель, стр. 545.

должны быть «чисто творческие, без всякой примеси общих форм и понятий», т. е. созданы вне всяких иностранных воздействий.

Любопытно, что некоторые современные Майкову петербургские литераторы упрекали его именно за то, что вызвало к нему любопытство Дидро. Майков в период своей петербургской жизни был близок к Н. И. Новикову и М. М. Хераскову, и, можно думать, что именно из этого лагеря дошли до Дидро как рекомендация русской «самобытности» Майкова, так и освещение многих других событий современной ему русской литературной жизни. М. Д. Чулков, полемизировавший с журналами Новикова и являвшийся ярким литературным противником Майкова, высмеивал его, заставляя произносить следующий, например, монолог:

Латынской мне язык и русской не известен,
Других не знаю я, а прочих не учил;
Однако, лишь перо в чернила омочил,
То вздумал о себе, что есть во мне примета
Такая, что мне быть учителем полсвета, —
Так должно ли же в чем последовать кому?
Я дал свободный путь пространному уму...¹⁸

До Дидро, несомненно, дошли споры о поэме Майкова «Елисей» с ее героем-ямщиком, с ее сочным местным колоритом, с ее гротескными жанровыми эпизодами из жизни петербургского мещанства и преступного мира — в «рабочем доме», тюрьме, кабаке. Эта грубоватая поэма, опиравшаяся, впрочем, на живые источники народного юмора, не лишенная меткой наблюдательности и сатирической остроты, была для своего времени действительно отрезанием от условных литературных требований и своего рода вызовом господствующим салонным вкусам. Но это-то и определяло любопытство Дидро и к ней и, может быть, к «басням» и «сказкам» Майкова (также тяготеющим к народно-повествовательной и «лубочной» стихии) как к произведениям, действительно имеющим яркий национальный отпечаток. В русской литературе Дидро надеялся найти средство к познанию подлинной России, выход на большой простор народной жизни из той тесной придворно-аристократической сферы, в которой замыкали его кабинет императрицы и стены нарышкинского дома. Так именно толкуем мы его интерес к Майкову, случайно

¹⁸ В. И. Майков, Сочинения и переводы, стр. XXXXII; А. В. Запатов. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо». Сб. «XVIII век», вып. II. М.—Л., 1940, стр. 109.

засвидетельствованный, но безусловно достоверный. Новым и немаловажным подтверждением его внимания к произведениям Майкова может служить теперь также экземпляр «Елисея», бывший в руках Дидро.

Как уже было отмечено выше, не все сочинения Майкова, которыми располагал Дидро, сохранились в Национальной библиотеке. Составленный Дидро перечень в разделе, относящемся к Майкову, упоминает еще «комедию и трагедии»; однако неясно, что он мог иметь в виду; что касается трагедий Майкова, то ни одна из них не была издана до 1775 года;¹⁹ относительно же «комедии» можно сделать лишь одно более или менее правдоподобное предположение, что Дидро приписал авторству Майкова пьесу, принадлежащую другому русскому писателю. Действительно, в том же переплете, где объединены «Елисей» и две книжечки од Майкова, находилось еще и четвертое сочинение: «Так и должно, комедия в пяти действиях» (М., 1773). Автор на титульном листе книги не обозначен, но мы знаем, что им был М. И. Веревкин. Как бы мы не решали вопрос о том, знал ли Дидро о действительном авторе или смешал его с Майковым, но нахождение именно этой пьесы среди книг Дидро представляет особый интерес. Дело в том, что комедия М. И. Веревкина — его первое драматическое произведение (что и делает вероятным незнакомство Дидро или его русских собеседников с еще малоизвестным «анонимом»), представляющее немаловажный этап в истории русской драматургии и уже издавна связывающееся исследователями именно с драматургическими теориями и эстетикой Дидро.²⁰ Это — «слезная комедия» из русских нравов, комедия нового типа, предметом которой являются «добродетель и обязанности человека»; к тому же это довольно правдивая картина русских провинциальных нравов, жизненность которой подтверждена была современниками. Еще Державин был высокого мнения об этой пьесе и находил, что она «точно описывает» «подъячих крючкотворцев»²¹ — Урывая Алтынникова, верного слугу воеводы Протазана Бесщотного; образ старозаветной помещицы Афросиньи Сысоевны напоминает героинь комедий Фонвизина. Если Дидро

¹⁹ Трагедия Майкова «Агриопа», представленная в первый раз в придворном театре в 1769 году, была издана лишь в 1775 году, т. е. уже после отъезда Дидро из России; трагедия «Фемист и Иеронима» готовилась к постановке в 1773 году, но представлена не была и также опубликована лишь в 1775 году.

²⁰ Н. М. Тупиков. М. И. Веревкин. СПб., 1895; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1945, стр. 217—218.

²¹ Г. Р. Державин, Полн. собр. соч., т. III, ред. Я. К. Грота, СПб., 1866, стр. 726.

знал о содержании этой пьесы Веревкина, то она, конечно, должна была очень заинтересовать его и своей реалистической документальностью, и своим построением, и своей основной задачей — продемонстрировать «отличные действия добродетели», столь близкой его собственным задачам как драматурга и театрального критика. Вот почему появление экземпляра этой комедии в числе русских книг Дидро едва ли можно объяснить случайностью.

Вопросы драматургии и театра продолжали интересовать Дидро во время его жизни в Петербурге не менее, чем раньше (вспомним, что его «Парадокс об актере» написан в 1773 году), и ничуть не в меньшей степени, чем русские бурлескные поэмы или «философические оды» русских поэтов. Драматургия в его глазах была одним из основных и самых действенных жанров просветительской литературы. Проблемы театральной жизни составляют особый раздел в его записках, направлявшихся Екатерине II; она, в свою очередь, посылала ему на отзыв свои комедии,²² приглашала на школьные спектакли смолянок, давая ему лишние поводы для присылки ей серьезных наставлений о значении театра в общей системе воспитания. Дидро, как мы видели, читал пьесы Сумарокова и приобрел их в большом количестве, заинтересовался комедией Веревкина. В особенности любопытно, что Дидро сам засвидетельствовал свой интерес еще к одному русскому драматургу — Фонвизину. Дидро упоминает его именно в одной из тех записок к Екатерине II, где идет речь, какими должны быть пьесы, если они хотят достигнуть цели, и о решающем значении их «качеств». «Мне говорили, — продолжает Дидро, — об одном из ваших подданных, по фамилии, кажется, Визин (*appelé Visen, je crois*); мне сказали, что он хорошо знает нацию, ее нравы и обладает живостью и веселостью».²³ Не подлежит сомнению, что Дидро говорит здесь не только о Фонвизине, но именно о Фонвизине-драматурге: за это ручается весь контекст этой его записки (озаглавленной издателями: «Проект театральной пьесы»). Единственным произведением молодого Фонвизина, которое могли иметь в виду русские собеседники Дидро, является его комедия «Бригадир», еще в то время не напечатанная: тем примечательнее осведомленность Дидро и его критическое чутье; на основании устных рассказов о молодом писателе и о его пьесе он проникательно опре-

²² В своем списке Дидро отметил четыре комедии Екатерины II; из них сохранилось в Национальной библиотеке только две: «Госпожа Вестникова с семьею» и «Именины г-жи Ворчалкиной».

²³ Дидро, Собр. соч., т. X, стр. 9; французский оригинал: M. Tourneux. Diderot et Catherine II, стр. 408.

делил значение будущего автора «Недоросля», если решился указать на него в записке, посланной высокопоставленной собеседнице, как на драматурга, в особенности подающего надежды. Сильное впечатление, которое эта ранняя комедия Фонвизина, написанная в 60-х годах,²⁴ оставила у его современников, слышавших ее в мастерском чтении автора, помнилось еще в 1773 году, когда о молодом драматурге рассказывали Дидро. Очевидно, он знал также и о задачах, которые ставил перед собой Фонвизин, о теме комедии и ее действующих лицах, если он вслед за своими русскими друзьями мог говорить о ее «живости и веселости» и о том, что Фонвизин знает русские нравы. Дидро не смутило при этом, что в «Бригадире» осмеиваются «офранцузенные» щеголи и кокетки: верность действительности, жизненность сатирической задачи, просветительский дидактизм, своеобразный национальный русский колорит, по-видимому, являлись, с точки зрения Дидро, важнейшими и наиболее ценными качествами пьесы.

Последнюю замкнутую в себе группу книг в перечне Дидро составляют творения М. М. Хераскова. Они представлены были в собрании Дидро довольно обильно — шестью книгами; из них сохранилась одна в переплете: «Нума, или процветающий Рим», в московском издании 1768 года (на обороте шмуцтитула не рукою Дидро, но кого-либо из Нарышкиных заглавие повторено по-французски: «*Numa ou Rome florissante, par Mr. M. Hergaskoff*»), остальные пять до нас не дошли, и о них можно догадываться лишь по краткому указанию в списке: здесь были «Чесмесский бой», «оды» и «трагедии». Наличие всех этих изданий в русской библиотечке Дидро вполне естественно: в начале 70-х годов, оставив службу при Московском университете и переселившись в Петербург, М. М. Херасков входил здесь в славу как новое светило русской поэзии и был центром того литературного кружка, который издавал собственный журнал («Вечера», 1772—1773). Дидро не мог не знать этого плодовитого писателя, характерного представителя русского дворянского либерализма конца 60—начала 70-х годов, соединявшего

²⁴ Датировка этой пьесы вызвала разногласия и споры П. Н. Берков в статье «К хронологии произведений Фонвизина „Бригадир“» («Научный бюллетень ЛГУ, 1946, № 13, стр. 33, 36) относил ее к 1769 году, В. Н. Всеволодский-Гернгросс в недавно опубликованной статье (Когда был написан «Бригадир» «Известия Академии наук СССР, Отдел литературы и языка», 1956, т. XV, вып. 5, стр. 460—463) настаивает на более ранней дате — до 1766 года, когда комедия была читана Екатериной II. Для нашей цели этот вопрос не столь существен, важнее подчеркнуть, что во второй половине 60-х годов Фонвизин не один раз и с неизменным успехом читал свою комедию в придворных и аристократических кругах Петербурга

со своим несколько отвлеченным свободолобием приверженность к чистому «разуму»; очень вероятно, что Дидро мог иметь с Херасковым и личные встречи. Прозаический политико-просветительский роман Хераскова «Нума, или процветающий Рим» мог возбудить любопытство Дидро как яркий документ русского «просветительства» и в то же время как политическая программа легальной дворянской оппозиции престолу.²⁵ Интересно подчеркнуть, что Дидро нигде не говорит о стихотворных опытах на французском языке русских аристократов его времени и очевидно не склонен был считать их произведениями «русской музыки», какими считал их Вольтер: его интересовали только русские стихи, резкий, отчетливый национальный в них отпечаток. Да и русский народ интересовал Дидро сильнее, чем окружавшая его самого кучка аристократов. Он, в частности, досадовал на то, что безотлучно прожил в Петербурге. Этого было недостаточно для познания страны, в которой он гостил: «Я не видел ее, — признавался Дидро в письме к г-же Неккер. — <...> Петербург — это всего лишь двор, бесвязная смесь дворцов и изб, больших бар, окруженных мужиками (de moujéks) и поставщиками».²⁶ Подлинная «мужицкая» Россия начиналась для Дидро далеко за пределами этого города, и ее-то судьба и представляла для Дидро наибольший интерес. Недаром в самый разгар Пугачевского восстания Дидро мог предложить Екатерине II множество вопросов о русском крестьянстве, о «его собственности и правах» и среди них, например, следующий: «Не приводит ли лишение крестьян собственности к дурным последствиям».²⁷ Не случайно, конечно, несколько страниц «Записок» Е. Р. Дашковой посвящены изложению их спора с Дидро о «рабстве наших крестьян», и в такой же мере, по-видимому, закономерно и то, что мы находим имя Дидро в одном из черновых планов «Капитанской дочки»

²⁵ М. В. Черняков. Политико-дидактический роман М. М. Хераскова. «Наук. зап. Харьк. держ. педагог. институту», т. VII, Харьков, 1941, стр. 99—119.

²⁶ E. Саго. La fin du dix-huitième siècle, vol. I. Paris, 1880, стр. 330—331; D. S. Mohrenschildt. Russia in the intellectual life of eighteenth century France. New York, 1936, стр. 82. Примечательны и дальнейшие строки того же письма, писанного в сентябре 1774 года, так как они образно характеризуют действительное отношение Дидро к Екатерине II и самодержавному строю: «Тихонько я поклянусь вам, что наши философы, которые кажется хорошо узнали деспотизм, видели его лишь через горлышко бутылки. Какая разница между тигром, изображенным на картине Удри, и между тигром в его лесу» (Е. Саго, ук. соч., стр. 331—332).

²⁷ Дени Дидро, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1936, стр. 393.

Пушкина («Орлов едет просить Екатерину — Орлов — Дидерот — Казнь Пугачева»)²⁸ Можно к этому прибавить еще один примечательный факт: среди русских книг Дидро нашелся отдельный оттиск манифеста Екатерины II по поводу восстания Пугачева от 24 декабря 1773 года, переплетенный вместе с несколькими одами Сумарокова в честь императрицы и учебником русского языка для французов Шарпантье! Какие книги Хераскова скрыты за обобщающим определением перечня «Оды», установить затруднительно (может быть, «Новые оды» издания 1762 года или «Философические оды или песни» издания 1769 года?), так же как трудно в настоящее время дознаться, какими «трагедиями» Хераскова располагал Дидро — трагедиями ли из русской истории, написанными вослед Сумарокову, или же «Венецианской монахиней» (1758), напечатанной Херасковым еще до того, как Дидро написал свою «Монахиню» (1761), родственную ей по сюжету и по антицерковным настроениям; еще более вероятно, что среди «трагедий» Хераскова у Дидро должна была быть его «слезная драма» «Друг несчастных» (1771); у Дидро были все основания интересоваться русскими опытами в том драматическом жанре, развитию которого он сам столь сильно содействовал и который «посредственный» в его глазах драматург Сумароков в том же 1771 году провозгласил «новым и пакостным родом». Среди книг Хераскова в руках Дидро была еще одна поэма — «Чесмесский бой», изданная в 1771 году и признанная современниками выдающимся поэтическим произведением. В Национальной библиотеке Ж. Порше не нашел этой книги в числе других, некогда принадлежавших Дидро. В связи с этим позволительно высказать догадку, которая представила бы известный интерес, если бы она подтвердилась: книга, которую Дидро продал библиотеке, была не русская, а французская, хотя и изданная в Петербурге. В 1772 году в Петербурге отдельным изданием вышел французский перевод «Чесмесского боя», и заглавие его совпадает с тем, которое приведено в списке Дидро.²⁹ Особое значение этому французскому изданию поэмы Хераскова придает, как известно, то, что самому тексту поэмы здесь предпослано «Рассуждение о стихотворстве российском» («Discours sur la poésie russe»)

²⁸ «Литературное наследство», т. 16—18, М., 1934, стр. 451.

²⁹ Le Combat de Tzémé. Poème en cinq chants, avec un Discours sur la Poésie russe, composés par M. Cheraskoff. Traduit du Russe en Français. MDCCLXXII. — Обращает на себя внимание слово «Combat», вместо которого могло стоять и другое (La Bataille).

Хераскова, неизвестное в русском оригинале³⁰ Если, как мы предполагаем, именно это издание и было у Дидро, то из «Рассуждения» он мог извлечь немало данных для истории русской поэзии и для характеристики ее современного состояния, изложенных и объясненных одним из видных деятелей русской литературы

Несколько десятков книг на русском языке, собранных Дидро, не могли не обеспечить его интереса к русской литературной истории. Поэтому для нас очень существенно, что среди этих книг, во всяком случае, имелась и дошла до нас другая книга, на русском языке, в которой при желании можно было почерпнуть подробные данные о русских писателях старого и нового времени, но в еще большем количестве, чем из «Discours sur la poésie russe» Хераскова. В списке эта книга обозначена очень неточно: «Essai historique sur les auteurs et traducteurs russes, jusqu'en 1773»; на деле это оказался известный «Опыт исторического словаря о российских писателях» Николая Новикова (СПб., 1772, XII — 264 стр.).

Словарь Новикова завершает в списке Дидро отдел «Belles lettres», являясь естественным концом этого систематического перечня³¹

Что перед нами не просто беспорядочный список книг, случайно попадавших Дидро под руку во время составления им описи, но перечень, имевший определенную систему, видно с первого взгляда. Дидро расположил свои книги не по годам их выхода в свет, но по писателям, отчетливо представляя себе хронологию их литературной деятельности и как бы внутреннюю закономерность их следования друг за другом. Если бы Дидро написал очерк истории русской литературы, он должен был бы назвать этих писателей в том же самом порядке, в каком названы они в перечне Это лишний раз убеждает нас в том, что с русской литературой Дидро познакомился вполне основательно, как и со всем тем, что его интересовало в России Действительно, как ни скудны разрозненные данные об этом, имеющиеся в нашем распоряжении, но подкрепленные изуче-

³⁰ П Н Берков «Рассуждение о российском стихотворстве» Известная статья М М Хераскова «Литературное наследство», т 9—10 1933, стр 287—294; П Н Берков Из литературного наследия М М Хераскова Сб «XVIII век», вып I, Л, 1935, стр 366—370

³¹ Ранее в этом же отделе упомянуты еще «Квинта Курция История о Александре Великом» в переводе С Крашенинникова (2 тома, 1762, 1768) и «Les oeuvres de Tediakouski» (sic!), т е «Три рассуждения о главнейших древностях российских» Тредиаковского (СПб, 1773)

нием перечня, они сами собою складываются в довольно отчетливую картину.

Дидро хорошо знал Ломоносова, ясно представляя себе и его многогранность и все основные уклоны его ученой и литературной активности во всех основных ее областях, до металлургии включительно. Изучение Сумарокова не приблизило писателя к вкусам Дидро, и впечатление осталось отрицательным. В споре о превосходствах Ломоносова и Сумарокова, которые, очевидно, дошли до Дидро, он был на стороне первого и осудил второго. Из «сумароковской школы» он больше всего заинтересовался Майковым, ища у него проявлений самобытности и национального своеобразия; Дидро угадал эти черты у молодого Фонвизина. Он знал, наконец, Хераскова и мог представлять себе не только прошлое русской литературы, но и ее будущее. Радищева, разумеется, Дидро еще не мог знать, но примечательно, что в тот самый год, когда Дидро жил в Петербурге и над собранными им русскими книгами задумывался и о судьбах России, и о русском крестьянстве, и о русских писателях, Радищев уже деятельно работал как переводчик, выпустив «Размышления о греческой истории» Мабли с определением «самодержавства» (деспотизма) как «наипротивнейшего человеческого естеству состояния» и уже, вероятно, был автором анонимного «Отрывка из путешествия» в новиковском «Живописце» (1772) с его, впервые с такой силой написанной, жестокой картиной ужасов крепостничества...

Дидро не обобщил своих наблюдений, не дал нам связанных характеристик и записей своих литературных впечатлений, выведенных из России, но мы вправе думать, что он более чем кто-либо другой из его французских современников мог оценить в русской литературе ее зреющие прогрессивные силы, ее еще не раскрывшиеся богатства. И это могло произойти прежде всего потому, что он принадлежал, по словам Энгельса, к числу великих мужей, подготовивших во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции.³² Дидро и за пределами своего отечества мог быть трезвым и чутким наблюдателем всего того, что, в конечном счете, должно было прийти на смену отживающему «старому порядку», феодально-абсолютистской системе. Отсюда — ненависть Дидро к русским формам крепостничества и к русскому варианту «просвещенного» деспотизма; но отсюда также его интерес к русскому народу,

³² Ф. Энгельс. Вариант введения к «Анти-Дюрингу». К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 357.

к русскому крестьянству, неожиданная на первый взгляд для француза XVIII века любовь к русской национальной песне.³³

Вера Дидро в русский народ была непоколебима: «Признаюсь, — писал Дидро, — я был бы в восторге, узнав, что моя родина в союзе с Россией».³⁴ А в одном из своих писем (октябрь 1773 года) он выражал уверенность в том, что в будущем Россия (*le nation russe*) «станет одной из наиболее честных, одной из наиболее мудрых и одной из наиболее грозных стран Европы и мира» (*une des plus honnêtes, une des plus sages, et une des plus redoutables contrées de L'Europe, du monde*).³⁵

³³ Об этом мы знаем из письма Дидро к Е. Р. Дашковой, из его просьбы к Бороздиной доставить ему в Париж русские народные песни-ноты с русским текстом (*avec des paroles russes écrites au dessous*) и аккомпанементом («Русский вестник», 1866, № 7, стр. 137; В. Михневич. Исторические этюды русской жизни, т. I. СПб., 1879, стр. 281; Н. Tronchon. *Romantisme et préromantisme*. Paris, 1930, стр. 266.

³⁴ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 90.

³⁵ Diderot. *Correspondance inédite*, vol. II, publ. par A. Bibelon, Paris, 1930, стр. 248.